

NAZAROV Vladimir Pavlovich, *Cand.Sci. (Pol.Sci.)*, Adviser to the Secretary of the Security Council of the Russian Federation (103132, Russia, Moscow, Ipat'evsky Lane, 4-10; Vlnazarov1950@gmail.com)

AFINOGENOV Dmitry Aleksandrovich, *Dr.Sci. (Pol.Sci.)*, Professor at the Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (bld. 6, 84 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; afinogenov_d@inbox.ru)

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE GENERAL THEORY OF NATIONAL SECURITY IN THE CONTEXT OF ADJUSTMENT OF NATIONAL SECURITY STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article discusses the development of the Russian Federation's national security theory in the new geopolitical and economic environment. The authors present substantive analysis of the change in theoretical views on the concept of national security and propose a new approach to the content of the term. The article justifies the role and the place of strategic planning as an essential tool for national security and gives recommendations for optimization and improvement of this process as well as for updating the National Security Strategy of the Russian Federation.

Keywords: national security, social-economic development, strategic planning, strategic national priorities, goal setting, strategy

---

БЕЛОЗЁРОВ Василий Клавдиевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Московского государственного лингвистического университета; член научного совета при Совете безопасности РФ; сопредседатель Ассоциации военных политологов (119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38; vk_belozerov@mail.ru)

ДЕФИЦИТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ИМПЕРАТИВЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ ВЕНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО СТРАТЕГИИ

Аннотация. В статье по результатам осмысления Венской конференции по стратегии констатируется возникновение запроса на стратегическое мышление, который артикулируется как в Европе, так и в России. Образовавшийся дефицит стратегического мышления негативно влияет на обеспечение глобальной, региональной и национальной безопасности. Автор обосновывает позицию, что указанный дефицит может и должен быть преодолен при определенных условиях. В данном контексте императивный характер носит налаживание устойчивого взаимодействия с зарубежным экспертным сообществом.

Ключевые слова: Венская конференция по стратегии, стратегическое мышление, государственная стратегия, экспертное сообщество, восприятие России в мире, преодоление дефицита стратегического мышления

В конце июня 2019 г. в Академии национальной обороны Австрии состоялась вот уже четвертая ежегодная Венская конференция по стратегии (*Wiener Strategiekonferenz*). Мероприятие вновь осталось незамеченным для российской научной общественности. Между тем, имеется целый ряд обстоятельств, свидетельствующих в пользу того, что конференция заслуживает внимания, в т.ч. в связи с приданием импульса исследованиям стратегии и стратегического мышления в России.

О научной идентичности немецкоязычного пространства

Судя по заявленной организаторами еще в 2016 г. целевой установке, конференция призвана создать международную дискуссионную платформу для развития теории и практики стратегии на базе немецкого языкового пространства. Такая целевая установка требует ряда комментариев.

Прежде всего, почему выделено именно немецкоязычное культурное пространство? Ведь предусмотрено, что рабочим языком конференции, наряду с немецким, является и английский (с синхронным переводом), да и ряд докладчиков предпочитают выступать на английском. В действительности же в условиях глобализирующегося мира подобным образом отстаивается оригинальность немецкоязычной научной мысли с ее богатыми традициями и достижениями. При этом негативные последствия, которые несет с собой глобализация для идентичности народов и государств, в т.ч. в научной сфере, осознаются в современном мире. В сложившихся условиях неконфронтационным способом сохранения идентичности выступает поддержание самобытности и консолидация национальной науки и культуры. Как реагирование на глобализацию следует оценивать и такие возникшие и развивающиеся на европейской почве политико-культурные феномены, как франкофония и испанофония. Венская же конференция по стратегии, большинство участников которой являются представителями немецкоязычных Австрии, Германии и Швейцарии, фактически представляет собой демонстрацию возможностей немецкоязычного научного и экспертного сообщества.

Следует отметить, что выступления участников транслируются в прямом эфире на канале *You Tube*, а качественно подготовленный том со статьями докладчиков выходит в солидном немецком издательстве *Carola Hartmann Miles-Verlag*, специализирующемся на освещении проблем политики безопасности и обороны. При этом организаторы ограничиваются лишь указанием на то, что издание вносится в немецкую национальную библиографию (*Deutsche Nationalbibliografie*). Как выяснилось, стремление к представлению результатов конференции в международных индексах научного цитирования (как известно, англоязычных) у издателей отсутствует. И такой подход диссонирует с порой искусственно навязываемой в России ориентацией на публикацию научных работ в указанных индексируемых изданиях.

Не свойственно ажиотажное стремление к названным индексам цитирования и «Австрийскому военному журналу» (*Österreichische militärische Zeitschrift*¹) – инициатору и организатору конференции, который ведет свою историю с 1808 г., что само по себе свидетельствует о самодостаточности издания. Есть все основания утверждать, что журнал является наиболее авторитетным периодическим изданием на немецком языке, публикации которого посвящены анализу проблем, связанных с безопасностью и обороной, военно-силовыми аспектами политики. В «Австрийском военном журнале», кстати, была ранее опубликована статья С.Б. Иванова (в период его работы министром обороны) о преобразованиях в российской армии.

Запрос на стратегическое политическое мышление

Требуется особого пояснения то, почему конференция сфокусирована на стратегии. Причем речь идет не о сфере военной стратегии, являющейся высшим компонентом военного искусства, а о стратегическом государственном мышлении, вырабатываемом в результате осмысления достижений военной науки и теории военного управления. Организаторы считают необходимым осмыс-

¹ <https://www.oemz-online.at/pages/viewpage.action?pageId=1278199> (проверено 22.12.2019).

ливать сущность и содержание стратегии, на основе чего своевременно находить выверенные, долгосрочные и действенные решения относительно вызовов будущего посредством обзора стратегического ландшафта Европы в целом с учетом национальных интересов стран.

Оценивая такой подход, необходимо отметить, что понятие «стратегия», изначально возникшее, как известно, в военной сфере, де-факто активно утверждается в политическом и научном дискурсе как в России, так и за ее пределами, замещая в ряде случаев понятие «политика». В России понятие «стратегия» появилось в названии основного доктринального документа в сфере национальной безопасности в 2009 г. (до этого были концепции). Спустя 5 лет был принят федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Достаточно характерно и название указа Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», подписанного В.В. Путиным 7 мая 2018 г., т.е. уже в день его инаугурации.

В последние годы активизировалось и осмысление российскими исследователями понятия «стратегия» применительно к политической сфере [Анцупов 2014; Пономарев 2017; Слизовский, Ожиганов, Алехнович 2008]. Вместе с тем оно далеко не всегда употребляется к месту и обоснованно. При этом анализ профильной литературы показывает, что устоявшееся понимание того, что такое стратегия, еще не выработано. Тем не менее введение понятия в научный и политический дискурс свидетельствует об актуализировавшейся потребности политической практики и теории в преодолении неопределенности относительно понимания будущего, способов его проектирования и конструирования. То есть, использование понятия «стратегия» требует ответственного поведения, поскольку означает претензию на понимание и строительство будущего и ко многому обязывает.

Между тем в немецкоязычном пространстве Европы активизируется интерес к научному пониманию стратегии государства. В той же Австрии серьезное внимание уделяется исследованию вопросов государственной стратегии и ее составной части – военной стратегии. В России же понятие «государственная стратегия» еще не вошло в полной мере в научный и политический дискурс, в то время как заявлен запрос от руководства государства на рассмотрение перспектив развития страны. Следует констатировать, что у России де-факто нет артикулированной государственной стратегии: в обществе и среди политической элиты отсутствует консолидированное представление о том, к чему страна движется, что она должна собой представлять, например, через 20 или 50 лет. Нет и понимания того, что для государственной стратегии нужен достаточно предметный образ будущего.

Справедливости ради следует отметить, что участие в конференции позволяет на основе выступлений утверждать о наличии схожих проблем и в европейском политическом истеблишменте. Весьма красноречивы в этом отношении высказывания на конференции в 2019 г. немецкого генерала Харальда Куята, звучащие фактически как обвинения: «В бундестаге сидят недоучки... Европейским политикам не хватает перспективного осмысления ситуации». Причем генерал не одинок в таких оценках. Ряд выступающих констатировали, что геополитический отпуск Европы закончился. В сложившихся условиях европейским и российским политикам пора браться за работу по преодолению дефицита стратегического мышления, к чему экспертное и научное сообщество фактически уже приступило.

Австрия – стратегический локомотив Европы?

С учетом изложенного правомерен вопрос, почему инициатором конферен-

ции выступила Австрия, небольшая европейская страна, вот уже несколько десятков лет следующая политике нейтралитета? Казалось бы, привилегией на собственную стратегию обладают прежде всего крупные геополитические игроки, реализующие свою волю в отношении других. То есть, остальным субъектам в этих условиях остается только адаптироваться к действиям крупных игроков.

Объясняя происходящее, можно отметить следующее. Прежде всего, появляется все больше признаков того, что европейским государствам весьма непросто довольствоваться отведенной для них ролью следования в фарватере чужой политики. За последние годы они в полной мере ощутили негативные последствия ряда событий и процессов, а также решений, принятых вне Европы. Достаточно назвать Арабскую весну, ситуацию в Сирии, Иране, на Украине, антироссийские санкции, разрушение системы стратегической стабильности. Для всего названного характерно то, что в большинстве случаев вне Европы принимаются релевантные для нее решения и инспирируются действия без оглядки на ее позицию и у Европы отсутствуют свои рычаги влияния на происходящее. И как бы популисты ни критиковали Россию и ни ссылались на «трансатлантическую солидарность», простой здравый смысл подсказывает, что неблагоприятное для Европы статус-кво складывается в результате эгоистических действий Вашингтона, не считающегося со своими партнерами и инициировавшего хаотизацию международных отношений, снявшего с себя ответственность за это и переложившего негативные последствия на Европу.

В итоге политическая картина мира меняется, появляются и новые центры силы. В этих условиях Европе не избежать самоопределения и разработки своей стратегии, она не сможет уклониться от очерчивания и декларирования своей, отличной от других идентичности, своих интересов и приоритетов. Разумеется, для утверждений о скором конфликте США и Европы нет никаких оснований, однако на политическую повестку дня встает вопрос о самостоятельной европейской стратегии.

И здесь как раз в полной мере способны проявить себя немецкоязычные Германия и Австрия, поскольку их достижения и традиции в сфере исследования и применения военной стратегии и стратегического мышления общепризнаны. Фактически же Австрия, организуя конференцию, в современных условиях претендует, с учетом сложившейся исторической преемственности, на статус европейского стратегического интеллектуального локомотива. Вполне объяснимо то, что организаторские функции взял на себя «Австрийский военный журнал», главный редактор которого бригадный генерал доктор Вольфганг Пайшель предметно занимается исследованием стратегии [Peischel 2017], а соответствующие проблемы регулярно освещаются в журнале. Получается, что издание во главе с его редактором стремится реализовать на практике идею В.И. Ленина, которая в перефразированном виде звучит так: журнал — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но и коллективный организатор.

Опыт показывает, что такая интеллектуальная технология способна обеспечить интеграцию разных исследовательских подходов к всестороннему осмыслению стратегии и придать импульс приращению научного знания. При этом характерно, что австрийская сторона довольно тонко использует имеющиеся возможности для демонстрации своего потенциала и традиций понимания стратегии. Так, обложку издаваемых по результатам конференции томов украшает изображение скульптуры Афины Паллады у здания парламента Австрии. Уместно напомнить, что Афина, согласно греческой мифологии, появилась на

свет из головы Зевса, будучи уже в полном военном облачении, и стала богиней мудрости и военной стратегии.

При оценке Венской конференции на ум приходит сравнение с такими представительными и ежегодно проводимыми форумами, как международные конференции по безопасности в Мюнхене и в Москве. Вместе с тем сложившийся в Вене формат предоставляет возможности для действительно обстоятельной и предметной дискуссии, неформальной и продолжительной, именно на уровне экспертов.

В Вене выступают с докладами известные зарубежные специалисты в области политики безопасности и обороны, высокопоставленные государственные руководители (в т.ч. на уровне министров), действующие и отставные военные, в основном из европейских стран и США. Так, в числе представлявших Германию были четырехзвездные генералы Клаус Науманн и Харальд Куят, которые ранее занимали должности генерального инспектора бундесвера, а впоследствии – и председателя Военного комитета НАТО. На конференциях 2018 и 2019 гг. выступала с докладами Карин Кнайсль, причем первый раз – в статусе министра. География стран-участниц с 2016 г. расширяется. Достаточно сказать, что в 2018 г. с докладом выступал заместитель начальника генерального штаба Индии по разведке генерал Винод Хандэр.

Оценивая Вену как место для проведения подобного форума, нельзя не учитывать и внешнеполитический потенциал страны. Австрия как принимающая сторона представляется привлекательной в силу ряда причин. Будучи официально нейтральной страной, она занимает конструктивную позицию по отношению к России. Нейтральной статус позволяет создавать условия для изложения на конференции различных, порой полярных точек зрения. Кроме того, австрийские исследователи проявляют интерес к научным основам и пониманию смысла политики безопасности и обороны России, ее стратегической культуры.

Антиномии работы с зарубежным экспертным сообществом

Россия на конференции, начиная с первой, представлена весьма ограниченно. Помимо автора настоящей статьи, других представителей нашей страны на прошедших конференциях не было, в т.ч. и как слушателей (лишь в 2019 г. выступил с докладом на английском языке специалист по вопросам стратегической стабильности Е.П. Бужинский). Сложившееся де-факто самоустранение вряд ли можно оправдать.

Вообще следует отметить существенные трудности в донесении достоверной информации до целевых групп за рубежом о позиции России по ключевым глобальным проблемам, о ее политическом курсе, политике безопасности и обороны. Причем данное обстоятельство зафиксировано и в государственных документах стратегического планирования.

Практическая деятельность России по воздействию на сложившуюся ситуацию также не лишена недостатков. Так, ряд иностранных экспертов и публичных фигур, занимающих конструктивную позицию по отношению к России и транслирующих ее в СМИ, в силу ряда причин воспринимаются на Западе скорее как «сторонники Кремля». Созданные в России при государственной поддержке институты публичной дипломатии часто расцениваются за рубежом не как таковые, а как инструменты пропаганды (в негативном ее понимании).

В сложившихся условиях Россия недостаточно использует и не выделяет как приоритет работу с зарубежным экспертным сообществом. О ее полноценном развертывании, к сожалению, говорить не приходится. Недооцененным остается и потенциал взаимодействия с немецкоязычным экспертным и научным сообществом. При этом отметим, что, согласно Концепции внешней поли-

тики Российской Федерации (ст. 48), «одним из направлений развития общественной дипломатии является расширение участия представителей научного и экспертного сообщества России в диалоге с иностранными специалистами по вопросам мировой политики и международной безопасности».

Перспективность системной работы с этими специалистами и определение ее в качестве предпочтительной обусловливается следующим:

- привлечение представителей экспертного сообщества к консультациям внешнеполитических ведомств и политического руководства в своих странах;
- обладание возможностями по формированию общественного мнения в своих странах и за их пределами;
- способность воспринимать альтернативную информацию и вести предметную и объективную дискуссию;
- возможность получения российскими представителями релевантных экспертных оценок, носителями которых являются указанные специалисты;
- возможность донесения позиции России посредством прямой коммуникации с представителями экспертного сообщества.

Нельзя не отметить, что работа с зарубежным экспертным сообществом осложняется явно недостаточным числом отечественных исследователей, владеющих иностранными языками и имеющих при этом востребованные профильные научные публикации, в т.ч. на иностранных языках, способных компетентно участвовать в их открытом обсуждении с зарубежными коллегами, в т.ч. и в неформальной обстановке.

Вместе с тем такие дискуссии с зарубежными коллегами в силу разных причин, в т.ч. из-за изначальной предвзятости, не всегда начинаются и проходят дружелюбно. Для того, чтобы недоверие и враждебность исчезли, нужны определенные усилия и условия, главное из которых — коммуникативная и научная компетентность участников дискуссии. По крайней мере, в этом один из уроков Венской конференции по стратегии.

При общем взвешенном характере дискуссий, проходящих на конференции, приходится встречать и превратное толкование, и критику политики России, в т.ч. в сфере безопасности и обороны. В чем обвиняют Россию? В ведении «гибридной войны», стремлении расколоть Запад, в реализации пресловутой «доктрины Герасимова», провокационных военных учениях, в поддержке режима Асада и др.

Имеет место и неверное (фактически — с заданным каналированием) толкование положений Военной доктрины России и других документов, регламентирующих применение военной силы. Так, свидетельством агрессивности нашей страны считается, например, содержащееся в Военной доктрине положение о правомерности применения военной силы для защиты российских граждан, находящихся за пределами своей страны. В качестве примера приводится «аннексия» Крыма. Подобным образом объясняется порой и выдача российских паспортов, поскольку за этим должна последовать вооруженная защита новых российских граждан и соотечественников. В подтверждение такой стратегии проводятся и исторические аналогии, вплоть до присоединения к СССР Западной Украины и Белоруссии.

Приходилось встречаться и со своеобразным объяснением принятия Россией новой Военной доктрины в 2014 г.: якобы главная причина — страх Путина перед возможным Майданом в Москве. Солидные коллеги из Скандинавских стран демонстрируют в своих докладах уверенность, что Россия вот-вот на них нападет. Удивительно было услышать от капитан-лейтенанта, представительницы германских ВМС о «зверской силе Путина» (*tierische Stärke Putins*) в Балтийском море. Перечень подобных сюжетов можно продолжить.

Возникает вопрос, как вести себя на этом «идеологическом фронте»? Достаточно ли в ответ просто покрутить пальцем у виска? Конечно, надо уметь выбрать нужный стиль общения, привести уместную шутку, иногда и поерничать, находясь в рамках корректности. Между тем при общении с коллегами иногда возникают и более сложные ситуации. Например, как ответить на вопрос профессора из Ирана, почему Россия не стала поставлять его стране зенитно-ракетные комплексы, т.е. исключительно оборонительные системы?..

В действительности же надо быть готовым к любому общению, в т.ч. и в среде, которая поначалу настороженно воспринимает докладчика. Тем не менее в большинстве своем участникам конференции присущи трезвое мышление и взвешанный тон, заинтересованность в получении объективных оценок современной России и ее политики. Участники руководствуются той истиной, что чем более сложными и противоречивыми являются отношения между акторами международных отношений, тем более интенсивным должен быть обмен мнениями между исследователями и экспертами, представляющими стороны.

Разумеется, наивно полагать, что после выстраивания взаимодействия на экспертном уровне вдруг разом что-то изменится в восприятии России в выгодном для нее ключе. Для того, чтобы что-то действительно изменилось, работа должна вестись системно и постоянно, по многим направлениям.

И вновь русский вопрос: что делать?

Необъективное общее восприятие России и конкретных ее действий на международной арене создает существенные затруднения для реализации ее политического курса и выстраивания отношений с партнерами. В условиях же обостряющегося информационного противоборства стране необходимо выстраивать собственную гибкую коммуникативную стратегию. И возможности для ее выработки и реализации имеются.

Думается, не потребует сколько-нибудь значительных затрат и усилий перевод на распространенные в современном мире языки и опубликование на информационных ресурсах уполномоченных органов государственной власти России ключевых доктринальных документов, таких как Стратегия национальной безопасности, Концепция внешней политики, Военная доктрина. Характерно, что издание таких документов на иностранных языках, в т.ч. на русском, практикуется развитыми странами (например, Германией и Японией).

Кстати, упомянутая выше статья С.Б. Иванова, к сожалению, на сегодня является практически единственным примером внятного официального изложения позиции нашей страны на страницах зарубежного издания руководителем оборонного ведомства.

Перспективным представляется и издание с определенной периодичностью Белой книги безопасности и обороны России, в которой для целевых групп внутри страны и за рубежом обосновываются и разъясняются установки доктринальных документов. Опыт подготовки подобных трудов в России имеется. Белая книга, в случае ее издания, может быть переведена и на иностранные языки. Объективному восприятию политики и мотивов действий России может способствовать также подготовка и выпуск при государственной поддержке профильных периодических научных изданий на иностранных языках по актуальным проблемам внешней политики, безопасности и обороны.

России и самой нужны специально организованные дискуссионные площадки для откровенного обмена мнениями с иностранными коллегами, нужны компетентные кадры, способные квалифицированно и убедительно доносить позицию страны на иностранных языках, причем в случае необходимости — в аудитории, настроенной далеко не дружелюбно и даже враждебно. Разумеется, необходи-

мым условием такой деятельности выступает лингвистическая компетентность специалистов, специализирующихся на исследовании указанных проблем.

В целом же ясно, что без государственной воли и системной поддержки в решении исключительно сложной задачи поддержания устойчивой коммуникации с зарубежными специалистами обойтись нельзя.

В заключение следует отметить, что как Россия, так и Европа стоят на пороге перехода к стратегическому перспективному мышлению. Вместе с тем такой переход сам по себе не гарантирован. В условиях глобализации и развивающейся интернационализации науки он может состояться лишь на основе обстоятельного взаимного познания и соотнесения стратегического опыта и стратегических культур. Венская конференция по стратегии — позитивный пример того, как это может происходить.

Сложившееся же восприятие нашей страны и ее политики императивно требует настойчиво, последовательно и компетентно работать с зарубежным экспертным сообществом и с лицами, принимающим решения, представляя позицию России по ключевым вопросам мирового развития, обосновывая ее национальные интересы, и показывая пути их отстаивания. Проявить же себя на этом поприще должно и отечественное научное сообщество.

Список литературы

Анцупов А.Я. 2014. Как разработать стратегию. — *Военный академический журнал*. № 4. С. 113-119.

Пономарев А.И. 2017. Соотношение понятий «стратегия», «доктрина», «концепция» в контексте теории обеспечения национальной безопасности. — *Военное право*. № 6 (46). С. 30-40.

Слизовский Д.Е., Ожиганов Э.Н., Алехнович С.О. 2008. Стратегический анализ и прогнозирование политических процессов. — *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер. Политология. № 4. С. 98-108.

Peischel W. 2017. Grundprinzipien militärischen strategischen Denkens an der Schnittstelle zur politischen Entscheidungsfindung. — *Wiener Strategie-Konferenz 2016 — Strategie neu denken* (Peischel, Wolfgang, hrsg.). Berlin: Miles-Verlag. S. 138-170.

BELOZEROV Vasily Klavdievich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Professor, Head of the Chair of Political Science, Moscow State Linguistic University; Member of the Scientific Council under the Security Council of the Russian Federation; Co-chairman of the Russian Association of Military Political Scientists (38 Ostozhenka St, Moscow, Russia, 119034; vk_belozerov@mail.ru)

LACK OF STRATEGIC THINKING AND THE IMPERATIVES OF OVERCOMING IT. REFLECTIONS AFTER THE VIENNA CONFERENCE ON STRATEGY

Abstract. The article states the genesis of a demand for strategic thinking articulated both in Europe and in Russia based on the results of reflections following the Vienna Conference on Strategy. The resulting lack of strategic thinking negatively affects the global, regional and national security. The author defends the position that the specified shortcoming can and must be overcome under certain conditions. In this regard, the establishment of sustainable interaction with the foreign expert community is an imperative.

Keywords: Vienna Conference on Strategy, strategic thinking, state strategy, government strategy, expert community, perception of Russia in the world, overcoming lack of strategic thinking